

Юридическая регламентация военного плена в странах Запада в XVII–XVIII вв. практически никогда не становилась предметом специального историко-правового исследования. Между тем такое исследование могло бы способствовать расширению и уточнению наших представлений о месте России в мире в эпоху раннего Нового времени.

Сказанное предопределило и основную цель настоящей работы: выявить, классифицировать и рассмотреть источники правового регулирования военного плена в странах Западной Европы и США в обозначенных хронологических рамках. В ходе достижения названной цели раскрыта и структурирована система нормативных документов, регламентирующих различные аспекты плена; проанализировано содержание каждого из элементов названной системы. Установлено, что рассматриваемая эпоха ознаменовалась появлением первых межгосударственных договоров и базовых актов национального законодательства о военнопленных, а равно иными новациями. В целях дальнейшего изучения темы предлагается расширить ее источниковую базу путем введения в научный оборот документов иностранных архивов, а также сосредоточить внимание на сравнительном анализе режимов военного плена в России и странах Запада.

Ключевые слова: выкуп пленных; картель; обмен пленными; Положение о военнопленных; раннее Новое время; частный плен.

Виталий Витальевич Познахирев, канд. ист. наук,
кафедра истории, гуманитарных и социально-экономических дисциплин,
ЧУОО ВО Университет «Реавиз», Санкт-Петербург, Россия;
vvrkr@list.ru

ПРАВОВАЯ РЕГЛАМЕНТАЦИЯ ВОЕННОГО ПЛЕНА В ЗАПАДНЫХ СТРАНАХ (XVII–XVIII вв.)

Введение

Распад европейской феодальной системы сопровождался и трансформацией средневековой модели военного плена. При этом основное влияние на последнюю оказывали такие факторы, как:

I. Укрепление власти монархов, положивших конец стремлениям своих вассалов создавать собственные воинские формирования, вести частные войны и удерживать пленников до внесения ими за себя выкупа.

II. Появление регулярных армий, где материальное благополучие офицеров и солдат все больше зависело от их способности продвигаться по службе, а не от умения захватывать пленных с высокой «выкупной стоимостью».

III. Переход от религиозных войн к так называемым «кабинетным», сама природа которых не предполагала массового насилия над вооруженным противником.

IV. Распространение в обществе гуманных идей Франсиско де Витория, Андреа Альчато, Бальтазара Айала, Пьерино Белли и других военна-

чальников, богословов и правоведов, ставших предвестниками права вооруженных конфликтов.

Совокупное воздействие названных факторов привело к формированию принципиально новой модели плена, главнейшими отличительными особенностями которой можно считать следующие:

1. Частный плен уступил место публичному, то есть пленник находился теперь во власти неприятельского государства, а не захватившего его лица. Первоначально монархи еще выкупали пленных противника у собственных подданных. Но со временем такие выплаты приобрели характер вознаграждения «за приведенного пленного», которое отличалось устойчивой тенденцией к сокращению и даже упразднению.

2. Заключение мирных договоров стало повсеместно сопровождаться и взаимным освобождением всех пленных без какого-либо выкупа (взаиморасчеты за содержание этих людей в плену, естественно, сохранялись, как они сохраняются и до сих пор). Однако непосредственно в ходе войны выкуп практиковался еще достаточно долго, вплоть до конца XVIII в.

3. Ввиду высоких затрат на обучение и содержание военнослужащих регулярной армии, плен перестал быть их «личной проблемой». Отныне государство стремилось как можно быстрее вернуть своих людей в строй, организуя еще в ходе войны регулярные обмены пленными.

4. Главным юридическим основанием указанных обменов стали двухсторонние договора (картели). Последние, правда, предусматривали и выкуп пленных. Но теперь только за счет казны и лишь в тех случаях, когда одна из сторон не могла представить другой равное число пленников.

Новизна. Очевидно, что в эпоху раннего Нового времени перечисленные новации потребовали и коренного обновления всей правовой регламентации военного плена. Между тем в нашей стране указанная регламентация, в сущности, никогда не являлась самостоятельным предметом историко-правового анализа. Конечно, к данной теме обращались такие дореволюционные ученые, как В. П. Даневский, М. И. Догель, Н. М. Коркунов [1 – 3] и др. Однако освещали они ее все-таки фрагментарно, а вернее – в контексте всего процесса эволюции права вооруженных конфликтов.

Что же касается исследований советского и постсоветского периодов, то объектом таковых выступают почти исключительно иностранные военнопленные, интернированные в Россию, а предметом – правовое регулирование военного плена в ходе глобальных вооруженных конфликтов минувшего столетия.

Нелишним будет также заметить, что вплоть до последних десятилетий военный плен раннего Нового времени (особенно с середины XVII в. до конца XVIII в.) не вызывал особого интереса и у зарубежных коллег, поскольку считалось, что он не содержит в себе ничего «чрезвычайного», «проблемного», «бросающего вызов традициям» и т. п. [14, с. 115; 15, с. 420–421].

Цель данной статьи: выявить, классифицировать и рассмотреть нормативно-правовые акты, регламентирующие режим военного плена в странах Западной Европы и США в XVII–XVIII вв.

Актуальность исследования видится в том, что его результаты могут способствовать расширению и уточнению наших представлений о месте России в мире в обозначенных хронологических рамках.

Методологическую базу работы составили, в основном, историко-правовой, историко-сравнительный и историко-типологический методы.

Обсуждение и результаты

Как следует из анализа зарубежной историографии, в эпоху раннего Нового времени правовая регламентация военного плена обеспечивалась комплексом нормативных документов, которые мы условно дифференцируем на следующие группы:

I. Двусторонние международные договоры.

II. Ратифицированные и нератифицированные соглашения между военачальниками противоборствующих сторон.

III. Законы страны и приравненные к ним указы (ордонансы) монарха.

IV. Постановления «Кабинета» (то есть учреждения, осуществляющего руководство военными действиями), а также регламенты (наставления, инструкции и пр.) органов отраслевого управления.

V. Иные акты.

Рассматривая этот перечень детальнее, выделим следующее:

1. Если не учитывать ратифицированные картели, то единственным межгосударственным соглашением, регулирующим вопросы обращения с военнопленными до конца XVIII столетия, следует, по-видимому, признать Договор о дружбе и торговле между Королевством Пруссия и Соединенными Штатами Америки от 10 сентября 1785 г. При этом важнейшая отличительная особенность названного документа состояла в том, что его статья 24 впервые на международно-правовом уровне:

а) запретила водворять пленных «в темницы, тюрьмы или на тюремные корабли, а равно заковывать этих людей в кандалы, связывать либо иным образом ограничивать подвижность их конечностей»;

б) признала недопустимым интернирование пленников в отдаленные регионы мира «с суровым, непривычным для них климатом <...> в Ост-Индию или в другие части Азии или Африки»;

в) провозгласила безусловную необходимость обеспечения пленных офицеров всеми видами довольствия наравне с «офицерами того же ранга собственной армии» (применительно к солдатам такой подход был предусмотрен лишь в части, касающейся предоставления им пищи и жилых помещений) [27].

2. Под соглашениями между военачальниками противоборствующих сторон мы подразумеваем картели и капитуляции.

2.1. Что касается первых, то сразу же оговоримся, что ратифицировались лишь отдельные картели, заключаемые, главным образом, крупными колониальными державами (вероятно потому, что их вооруженные силы вели боевые действия в различных частях мира и подчинялись разным главнокомандующим, тогда как регламентация военного плена требовала унификации). Однако вне зависимости от данного обстоятельства, любой картель устанавливал:

A) соответствие между воинскими званиями и окладами военнослужащих противоборствующих армий, что позволяло производить обмены

людьми, а при необходимости – и их выкуп (сумма выкупа обычно равнялась месячному (реже – квартальному) окладу военнослужащего);

Б) сам режим военного плена.

При этом последний обычно предусматривал:

а) запреты на жестокое обращение с пленниками, включая безвозмездное использование их труда и расхищение имущества этих людей (в первую очередь принадлежащей им одежды и обуви);

б) отказ в предоставлении статуса военнопленного лицам, при которых обнаруживались боеприпасы, «запрещенные у христианских народов», как-то: «отравленные либо фигурные пули», а равно «пули, изготовленные из олова или любого другого металла, кроме свинца» [24, с. 109].

в) право пленного как можно скорее известить о своем местонахождении собственное командование;

г) прядок обеспечения пленников различными видами довольствия. В самых общих чертах порядок этот можно свести к формуле: «Офицер приобретает все необходимое за свой счет, а о солдате побеспокоится держащая в плену держава». Для иллюстрации сказанного сошлемся на такой вполне типичный договор как картель, заключенный между Францией и Аугсбургской лигой 29 декабря 1690 г.: «Все нижние чины и приравненные к ним лица <...> должны во время плена получать в день на питание сумму эквивалентную трем пенсам в валюте Франции, а также хлеб по солдатской норме <...> Офицеров можно содержать так, как стороны сочтут нужным, с учетом их (офицеров – *прим. авт.*) платежеспособности» [28, с. 11]. Поскольку, помимо пищи и денег, солдатам предоставлялись квартиры и квартирные принадлежности, приведем в качестве примера еще один договор – англо-французский картель от 6 февраля 1759 г., предписывавший размещать унтер-офицеров и рядовых «в приличных помещениях с хорошей соломой, которую следует менять каждые восемь дней» [13, с. 286];

д) перечень лиц, не признаваемых военнопленными и подлежащих скорейшему, по возможности, освобождению. Обычно к их числу относились те, кто не принимал непосредственного участия в боевых действиях, а именно: аудиторы, ревизоры, казначеи, секретари, канцелярские чиновники, священнослужители, медицинский и фармацевтический персонал, захваченные в госпиталях больные, пассажиры судов из числа гражданских лиц, учителя, камердинеры, парикмахеры, кузнецы, маркитанты, мясники, палачи, слуги, почтальоны, курьеры, судовые стюарды, все женщины, мальчики в возрасте до 12 лет и др. (Англо-французский картель от 13 сентября 1798 г. включал в этот перечень и солдат (но не офицеров), «которые вследствие ран, возраста или немоги были признаны неспособными к дальнейшей военной службе» [9, с. 339]);

е) запрет на выдачу противнику его дезертиров и перебежчиков. (Правда, лишь при условии, что до своего побега эти люди не совершили убийства или иного тяжкого насильственного преступления. В противном случае они возвращались «к прежнему месту службы» для привлечения к уголовной ответственности.);

ж) право сторон не принимать в счет обмена тех своих солдат, о которых было известно, что они сдались врагу, не исчерпав всех возможностей к сопротивлению (Очевидно, что названные лица считались «некаче-

ственным человеческим материалом», почему и вернуться на родину они могли не ранее начала послевоенной репатриации.);

з) требования к содержанию в лечебных учреждениях раненых пленников, в том числе правила обеспечения таковых медикаментами, перевязочными материалами, диетическим питанием и так далее, вплоть до порядка командирования к пленному «через фронт» врача или фельдшера из числа его соотечественников;

и) запрет на принуждение пленного к службе в армии противника (Картель между Францией и Аугсбургской лигой от 29 декабря 1690 г. запрещал даже ведение агитации, направленной на достижение такой цели [28, с. 10].);

к) максимальный срок пребывания военнослужащего в плену, по истечению которого он подлежал обмену (как правило, не свыше 14–15 суток). В зарубежной литературе высказывается мнение, что «на практике этот благочестивый обет не соблюдался» [14, с. 123–124]. Однако у нас нет оснований быть столь же категоричными, ибо согласно другим данным, пленных, наоборот, часто обменивали сразу после сражения, а при невозможности обменять – просто отправляли к противнику (надо полагать, в расчете на взаимность), аргументируя это тем, что пленников негде расквартировывать, некому охранять и нечем кормить [4, с. 231].

л) право пленника на личную переписку и получение материальной помощи с родины;

м) иные вопросы по усмотрению сторон.

Как можно понять из всего изложенного, режим военного плена формировался во многом благодаря картелям. Вместе с тем значение их не следует и переоценивать. *Во-первых*, в силу разных причин заключение такого соглашения могло быть просто не в интересах воюющего. Так, в июле 1780 г. США буквально в последний момент отказались от подписания уже подготовленного картеля с Британией, ссылаясь на то, что «обмен пленными, хотя и побуждаемый гуманностью», не даст американской стороне существенных преимуществ и приведет лишь к усилению противника [16, с. 6–7]. В свою очередь, в 1703 г., то есть на начальном этапе Войны за испанское наследство 1701 – 1714 гг., английская королева Анна Стюарт отклонила картель, предложенный Францией, аргументируя это тем, что годом ранее Людовик XIV не признал за ней право на британский престол [26, с. 192].

Во-вторых, если такие договоры все-таки заключались, то происходило это обычно спустя более или менее продолжительное время после начала конфликта. К примеру, Семилетняя война разгорелась в мае 1756 г., но основные картели были подписаны только три года спустя, а вернее – в период с февраля по октябрь 1759 г. (между Пруссией и Францией, Англией и Францией, Пруссией и Россией).

И, наконец, *в третьих*, реализация рассматриваемых соглашений нередко выливалась в нескончаемый обмен упреками и претензиями. Как пишет в этой связи О. Бломквист, «несмотря на все благие намерения, картели, как правило, быстро распадались, поскольку обе стороны беззастенчиво пытались злоупотребить лазейками и двусмысленностями в договоре, стремясь получить как можно больше, вернуть как можно меньше, и уж конечно не отдавать врагу ничего безвозмездно» [8, с. 17].

В целом, мы разделяем приведенную точку зрения, тем более что сохранилось немало свидетельств тому, как вместо молодых и здоровых военнослужащих противнику «беззастенчиво» передавали и больных, и пожилых, и даже гражданских лиц. Не было недостатка и в иных способах жульничества. В частности, под предлогом более гуманного обращения с пленниками, солдат расквартировывали не «в приличных помещениях с хорошей соломой», но в самых дорогих гостиницах, а возвращая этих людей... «прилагали к ним» счет на круглую сумму и т. п.

Однако как бы то ни было, отмеченные недостатки не смогли поколебать саму систему картелей. Это сделала Великая французская революция 1789 – 1799 гг., а вернее – Национальный Конвент Франции, категорически отказавшийся от любых форм обмена людьми, основанных на денежных расчетах. Тем самым, во-первых, была поставлена финальная точка в истории самого института выкупа пленных, а во-вторых, положено начало кризису всей картельной системы, от которого она так и не смогла оправиться.

2.2. Переходя к капитуляциям, сразу же заметим, что, по нашим оценкам, большая их часть носила рутинный характер и совершенствованию правового регулирования военного плена способствовала в гораздо меньшей степени, нежели картели. Если говорить конкретнее, то капитуляции традиционно гарантировали гуманное обращение с пленными; провозглашали неприкосновенность их личной собственности; конкретизировали перечень лиц, не подлежащих военному плену; подтверждали право офицеров на ношение оружия; устанавливали порядок оказания медицинской помощи раненым и больным; определяли численность транспортных средств, предоставляемых для перевозки имущества чинов гарнизона, и т. п. [6, с. 2 – 5].

Вместе с тем ряд таких соглашений отличался и явной нетривиальностью норм, и тщательной проработкой отдельных вопросов. Для примера сошлемся на капитуляцию Йорктауна от 19 октября 1781 г., в составлении которой участвовали высокопоставленные офицеры сразу пяти государств (США и Франции, с одной стороны, и Англии, Бранденбург-Ансбаха и Гессен-Касселя, с другой). Так, ст.ст. 5–6 и 11 данного документа гласят: «Солдаты должны содержаться в Виргинии, Мэриленде или Пенсильвании, по возможности, в составе своих полков и обеспечиваться пищей по норме, предусмотренной для американского солдата. Одному штаб-офицеру от каждого государства, то есть Британии, Ансбаха и Гессена, а также части обер-офицеров из расчета по одному на 50 солдат, будет позволено проживать на пароле рядом с их полками, регулярно навещать своих людей и быть свидетелями того, как с ними обращаются. Этим офицерам будут дана возможность получать и доставлять своим людям одежду и другие предметы первой необходимости <...> Генералам, а также остальным штаб- и обер-офицерам, пожелавшим освободиться под честное слово, разрешается выехать, по их выбору, как в Европу, так и в Нью-Йорк или в любой другой пункт Америки, находящийся в настоящее время под контролем британских войск <...> Для больных и раненых будут созданы специальные госпитали. За ними будут ухаживать их собственные врачи <...> Эти госпитали получают лекарства и оборудование из аме-

риканских лечебных учреждений. В них также передадут все медицинское имущество британской армии, а при необходимости будут произведены и дополнительные закупки медикаментов» [7].

В завершение нелишним будет заметить, что условия капитуляций (как и картелей), по-видимому, эпизодически нарушались. Об этом можно судить уже по наличию во многих договорах пункта, который, с теми или иными вариациями, гласил примерно следующее: «настоящая капитуляция не может быть не исполнена под предлогом неисполнения каких-либо предыдущих капитуляций».

3.1. На уровне национальных законодательств режим военного плена до конца XVIII в. регулировался лишь воинскими уставами (артикулами) и инкорпорированными ордонансами. Хотя практически все названные акты еще допускали возможность выкупа пленников, основной акцент в них делался все-таки на пресечении любых попыток «приватизации» этих людей, то есть на утверждении публичного характера плена. В пользу сказанного говорит уже то, что уставы предусматривали самые суровые наказания (вплоть до смертной казни) не только за убийство пленных или жестокое обращение с ними, но и за их самовольное освобождение, сокрытие, использование в качестве прислуги и т. п. Не менее строгая ответственность грозила за несвоевременные доклады о численности захваченных военнослужащих противника, а равно за непредставление их командованию в установленный срок («к исходу дня», в течение суток», «не позднее 36 час.» и т. п.) [24, с. 116].

Вполне типичным в данном отношении можно считать польский устав 1698 г. В этом документе вопросам плена посвящена лишь одна ст. 21, и гласит она следующее: «О всех взятых в плен необходимо доносить без недомолвок, уловок или ссылок на какие-либо затруднения. Никто не смеет освобождать пленника, скрывать его или вести себя по отношению к нему неподобающим образом. Каждый должен как можно скорее и, во всяком случае, не позднее чем в 24 часа доложить о нем своему командиру и охранять пленного до тех пор, пока не будет принято решение о его обмене или освобождении за выкуп» [19, с. 295].

Кроме того, уставы нередко прямо указывали на недопустимость хищения имущества пленника и, особенно, его одежды. Причем формулировалось это, порой, не без некоторой поэтики, о чем говорит, например, ст. 60 устава Великого гетмана литовского Януша Радзивилла (1648): «Всякий, взявший пленного, должен, не утаивая этого человека, представить его гетману, <...> и не отбирать у пленного одежду, потому как, отдавая того в пристойном виде, воин демонстрирует уважение к гетману и помнит слова: “кто был на коне, тот может оказаться и под конем» [19, с. 268].

Вместе с тем к некоторым вопросам авторы воинских уставов относились неоднозначно. Это касалось, например, перечня лиц, не подлежащих плену. Со времен Средневековья таковыми считались лишь женщины и священнослужители (разумеется, при условии, что ни те, ни другие не были вооружены). Однако в раннее Новое время законодатели пошли по двум диаметрально противоположным направлениям: одни вообще отказались от составления какого-либо перечня, другие, напротив, стали предельно его расширять, добавляя к священникам и женщинам школьных

учителей, домовладельцев, кузнецов, мельников и обывателей иных категорий.

Сходная ситуация сложилась и вокруг вопроса о том, должен ли солдат пленить в бою врага, просящего о пощаде? Большинство законодателей обходило эту деликатную ситуацию молчанием, тем самым давая понять, что речь идет исключительно о праве военнослужащего. Но некоторые, напротив, провозглашали это обязанностью солдата. (К слову, на начальном этапе Северной войны 1700 – 1721 гг. такая обязанность существовала и в российской армии, а точнее, была предусмотрена ст. 67 так называемого «Воинского устава фельдмаршала Б. П. Шереметева»).

Отдельного внимания заслуживает отношение европейских военных законодателей к своим соотечественникам, оказавшимся во власти врага. Так, по смыслу ордонанса Людовика XIV от 21 октября 1673 г. командиру роты давалось не более месяца на то, чтобы организовать выкуп своих находящихся в плену военнослужащих. По истечении названного срока выкупить этих людей мог уже командир любой французской части (подразделения). Но в этом случае освобожденный солдат, во-первых, был обязан продолжить службу уже под началом того, кто его выкупил, а во-вторых, освобождался от всех обязательств (надо полагать, финансового характера), которые он когда-либо давал прежнему ротному командиру [10, с. 7–8].

Смысл приведенной нормы вполне очевиден. Она побуждала офицера добиваться скорейшего освобождения своих подчиненных, но в то же время давала ему право игнорировать тех, кого он не считал полезными для службы.

Несколько иной подход мы видим в ст. 180 датского воинского устава 1683 г., которая настолько красноречива, что вряд ли нуждается в комментариях: «О военнопленных, оказавшихся в руках врага, позаботится Военное министерство совместно с Генерал-аудитором. Насколько это будет возможным, они окажут пленникам помощь и вернут их на родину путем обмена или выкупа, дабы те не оказались вынуждены перейти на службу к врагу, а могли бы и в несчастье сохранять верность своему королю [5].

3.2. Что касается иных законодательных актов, то здесь мы считаем необходимым обратить первоочередное внимание на правотворчество Второго Континентального конгресса (1775 – 1781 гг.), который в период Войны за независимость США принял несколько десятков документов, регламентирующих различные аспекты военного плена. К примеру, Резолюция от 6 апреля 1776 г. определяла порядок учета и финансирования пленников. Резолюция от 4 октября 1777 г. предписывала властям Виргинии построить в подходящем месте лагерь военнопленных с «бревенчатыми бараками», обширной территорией для прогулок и «ограждением, исключаящем контакты военнослужащих противника с местным населением» [12, т. IV, с. 262, 264–265; т. IX, с. 15].

Однако наибольший интерес вызывает Резолюция от 21 мая 1776 г., ставшая, по-видимому, одной из первых (если не первой) в истории человечества попыткой создания некоего базового документа («Положения») о военнопленных. (Мы считаем данный факт не случайным, поскольку в тогдашних США, отличавшихся высоким уровнем децентрализации и отсутствием эффективных рычагов государственного управления, такой закон общего характера был особенно необходим.).

Названная Резолюция, в частности, предусматривала, что:

- все лица, захваченные с оружием в руках, признаются военнопленными, и о них должна заботиться исполнительная власть каждой колонии;
- обращение с пленными должно быть гуманным. Солдаты получают ту же пищу, что и военнослужащие Континентальной армии. Офицеры обеспечивают себя самостоятельно;
- офицерам и рядовым не разрешается проживать в одних и тех же населенных пунктах;
- офицерам, не имеющим денежных средств, Конгресс разрешает выдавать по 2 доллара в неделю на питание и оплату жилья. Офицеры должны вернуть эти деньги в казну до своей репатриации;
- условия капитуляций должны неукоснительно соблюдаться;
- режим содержания офицеров будет смягчаться на основании парольных соглашений <...> Офицер, отказавшийся подписать такое соглашение, подлежит содержанию под стражей;
- британскому комиссару по делам военнопленных будет позволено раз в месяц посещать пленников <...> дабы уточнить их численность и согласовать списки людей;
- женщины и дети, находящиеся с пленными, будут обеспечены всем минимально необходимым для их существования;
- никто из пленных не будет зачислен в ряды Континентальной армии;
- пленным разрешается заниматься своим ремеслом и работать, дабы прокормить себя и свои семьи, и др. [12, т. IV, с. 370 – 373].

В революционной Франции базовым нормативным актом о пленных стал Декрет Национального Конвента от 4 мая 1792 г. В отличие от своего американского аналога, больше похожего на тщательно разработанный картель, французский документ был в определенной степени уникален, так как основывался на доктрине естественного права и принципах, изложенных в Декларации прав человека от 26 августа 1789 г. Это видно уже из следующих его положений:

- военнопленные находятся под охраной нации и особой защитой закона (ст. I);
- любая жестокость, насилие или оскорбление, совершенные в отношении военнопленного, будут караться так, как если бы эти деяния были совершены в отношении гражданина Франции (ст. II);
- на военнопленных распространяются все права, предусмотренные для французских граждан. Они могут заниматься любым видом законной деятельности. В случае совершения правонарушения меру их ответственности определяет обычный суд. Он же рассматривает жалобы военнопленных на причиненный ущерб или нанесенные оскорбления и принимает решения о выплате им компенсации (ст. XI).

Еще одной особенностью Декрета от 4 мая 1792 г. можно считать то, что он установил простой и ясный порядок денежного довольствия пленников: все они должны были получать такое же жалование, как и равные им в чине военнослужащие французской пехоты [11].

К сказанному следует добавить, что во Франции, как и в США, нормы базового документа о военнопленных неоднократно изменялись и дополнялись последующими актами. Самыми радикальными (и самыми скан-

дальными) из них стали, пожалуй, Декреты Конвента от 7 прериаля (26 мая) и 24 термидора (11 августа) 1794 г. Первый, запрещающий солдатам революционной армии... брать в плен англичан и ганноверцев, был принят сразу после того, как депутаты заслушали доклад «О преступлениях Англии против французского народа». Второй распространил данную «практику» еще и на испанцев, дабы «помочь тем проснуться и встать из своей монархической могилы» [17, с. 67–68]. Но поскольку личный состав революционной армии не проявил особого рвения в следовании указанным Декретам, 30 декабря 1794 г. те же самые депутаты отменили их, как «противоречащие всем человеческим законам», «оскорбляющие французскую нацию» и «не имеющие ничего общего с теми чувствами, которые движут нашими храбрыми воинами, умеющими побеждать врагов и никогда не убивающими побежденных» [22, с. 375].

3.3. Акты монархов (грамоты, эдикты и т. п.) могли затрагивать самые разные вопросы. Например, в период Австро-турецкой войны 1787 – 1791 гг. множество распоряжений, касающихся обращения с военнопленными, было оформлено указами императора Иосифа II. В частности, этот правитель лично разработал основы классификации пленников, определил порядок их освобождения на пароль и даже установил нормы обеспечения османов хлебом, дровами и горячей пищей [15, с. 418, 424, 425, 429].

Однако большинство монархов в сферу регулирования военного плена обычно не вторгалось. За исключением самых необходимых случаев. Например, при отсутствии картеля глава государства принимал окончательное решение об очередном обмене пленными. Он же, как правило, определял и статус подданных противника, застигнутых началом военных действий на территории, находящейся под его юрисдикцией [23, с. 38–39]. Монарху принадлежало последнее слово и в некоторых иных вопросах. Так, 20 октября 1780 г., то есть в разгар Англо-испанской войны 1779 – 1783 гг., королем Испании Карлом III было определено, что «любой пленный англичанин, принадлежащий к римско-католической церкви и желающий продолжить службу в вооруженных силах Испании, подлежит приему на службу без всяких ограничений» [18, с. 165; 21, с. 83].

4.1. Постановления «Кабинета» регламентировали общие вопросы обращения с пленными. В первую очередь указанный орган назначал места их интернирования и определял нормы обеспечения различными видами довольствия. Так, циркуляр главы испанского правительства от 25 февраля 1762 г., адресованный всем военным и гражданским губернаторам, предписывал размещать пленных англичан «в удаленных от моря замках или крепостях, где каждый английский солдат или матрос должен получать в день один серебряный реал, без выдачи ему хлеба или чего-либо еще кроме охапки соломы, долженствующей служить пленному постелью» [21, с. 79].

Кроме того, Кабинет координировал работу военного и морского ведомств, организовывал учет пленников, устанавливал их предельную численность для каждого региона, формулировал требования к личной переписке этих людей, регулировал порядок обмена или освобождения офицеров на условиях парольного соглашения, а также решал целый ряд иных вопросов. При этом отдельное внимание уделялось вербовке пленников для службы в рядах своих вооруженных сил и (или) выработке

у них побудительных мотивов к переходу в подданство держащей в плену державы [20, с. 76; 25, с. 278–279, 337].

4.2. Регламенты органов отраслевого управления детализировали и конкретизировали нормы действующего законодательства, повеления монарха и циркуляры Кабинета. Адресовались они обычно губернаторам, комендантам портов, начальникам гарнизонов и некоторым иным лицам. Определенное представление об их содержании можно получить на основе анализа распоряжений военно-морского ведомства Испании, относящихся к XVII–XVIII вв. Так, Регламент от 24 января 1633 г. определял порядок и правила регистрации пленных. Аналогичный документ от 5 августа 1702 г. запрещал самовольно освобождать пленников и обязывал командиров кораблей передавать их только комендантам портов. Регламент от 17 ноября 1718 г. требовал составлять акт о каждом факте смерти пленного в море. Это же распоряжение налагало запрет на пытки пленников и жестокое обращение с ними. Наконец, можно выделить Регламент от 1 февраля 1762 г., который предписывал относиться «ко всем пленным, по возможности, гуманно, оказывая особое внимание тем, кто заслуживает того по своему рангу» [18, с. 161–162, 165–166].

5. К иным документам мы относим огромный массив актов, исходящих от военачальников на театрах военных действий, должностных лиц регионального управления (военного и гражданского), а также глав местных администраций. Регулировали они, в основном, такие вопросы, как: эвакуация военнопленных; их содержание в местах расквартирования; распределение унтер-офицеров и солдат по сельским домохозяйствам, долженствующим обеспечивать пленников работой и пищей; проведение противоэпидемических мероприятий в пунктах интернирования; условия смягчения режима содержания офицеров; использование пленников на общественных работах и установление им заработной платы; освобождение и возвращение на родину лиц, признанных негодными к дальнейшей военной службе; решения по жалобам пленных и т.п. [17, с. 66 – 69; 21, с. 79; 23, с. 39].

Заключение

Резюмируя и обобщая все изложенное, сделаны следующие выводы.

1. На протяжении XVII–XVIII вв., по мере эволюции основных институтов и практик военного плена, происходило и становление новой нормативно-правовой базы, регламентирующей положение военнослужащих, находящихся во власти врага. Указанная база приобрела многоуровневый характер, что позволяет выделить в ее структуре: двусторонние международные договоры; ратифицированные и нератифицированные карты; законы страны и приравненные к ним акты монарха; постановления «Кабинета»; регламенты органов отраслевого управления и иные документы.

2. В сфере регулирования плена рассматриваемая эпоха отмечена такими нововведениями, как появление первых межгосударственных договоров и базовых национальных документов («Положений») о военнопленных, а кроме того: окончательным упразднением института выкупа; признанием за пленниками едва ли не всех прав, предусмотренных для собственных граждан и, наконец, предоставлением пленным жалования,

соответствующего денежному довольствию собственных военнослужащих того же ранга. При этом нельзя не подчеркнуть, что три последние новации являются исключительной заслугой Великой французской революции.

3. Ключевую роль в совершенствовании правовой регламентации военного плена (особенно в части касающейся его гуманизации) сыграли, как представляется, картели. Во всяком случае, именно эти соглашения позволяли оперативно внедрять, апробировать и закреплять новейшие идеи как авторитетных теоретиков нарождающегося права вооруженных конфликтов, так и наиболее прогрессивных военачальников.

4. В целях дальнейшего изучения темы представляется целесообразным расширить ее источниковую базу путем введения в научный оборот документов зарубежных архивов, а также сосредоточить внимание на сравнительном анализе режимов военного плена в России и странах Запада.

Список литературы

1. **Даневский В. П.** Пособие к изучению истории и системы международного права: в 2-х т. Харьков: Типография А. Н. Гусева, 1892. Т. 1. 230 с.
2. **Догель М. И.** Юридическое положение личности во время сухопутной войны. Комбатанты. Казань: Типо-лит. Имперского университета, 1894. 368 с.
3. **Коркунов Н. М.** Право войны. М.: Литография Копиевской, 1884. 255 с.
4. **Anklam E.** Battre l'estrade: Military Reconnaissance in the German Theatre of War. The Seven Years' War: global views. Eds.: M. H. Danley, P. J. Speelman. Boston: Brill, 2012. P. 213 – 242.
5. **Artikels-Brev** og Krigsrets-Instruction for Armeen under 9 Mart 1683. URL: https://h58.dk/Mil/Mill_Straffel_Retspl.pdf (дата обращения: 20.03.2022).
6. **The Articles** of Capitulation of Quebec. September 18, 1759 // A collection of the acts passed in the Parliament of Great Britain and of other public acts relative to Canada. Quebec: Printed by P. E. Desbarats, 1824. 352 p.
7. **The Articles** of Capitulation of York and Gloucester. October 18, 1781. URL: https://avalon.law.yale.edu/18th_century/art_of_cap_1781.asp (дата обращения: 27.11.2021).
8. **Blomqvist O.** A Clash of Kings: States, Captives and Loyalties during the Great Northern War. Master Thesis. Stockholm, Historiska institutionen, 2014. 79 p. URL: https://www.academia.edu/43221094/A_Clash_of_Kings_States_Captives_and_Loyalties_during_the_Great_Northern_War (дата обращения: 11.10.2021).
9. **Cartel for the Exchange** of Prisoners of War between Great Britain and France. A Collection of State Papers Relative to the War Against France. In 7 vol. London: Printed for J. Debrett, 1799. V. 7. 664 p.
10. **Code** militaire ou compilation des ordonnances des rois de France concernant les gens de guerre. Par le Sr de Briquet. Tome 1 – 3. Paris: Impr. royale, 1728. V. 1. 548 p.
11. **Décret** de l'Assemblée nationale, du 4 mai 1792, l'an quatrième de la liberté. URL: <https://intertextual-hub.uchicago.edu/navigate/revlawallhub/34/30?byte=111262> (дата обращения: 18.12.2021).
12. **Journals** of the Continental Congress, 1774 – 1789. Edited from the original records in the Library of Congress. In 34 vol. Washington: Government printing office, 1906. V. IV. 416 p.; 1907. V. IX. 373 p.
13. **Knox J.** An Historical Journal of the Campaigns in North America: for the Years 1757, 1758, 1759, and 1760. Ed. with introduction, appendix and index by Arthur G. Doughty. In 3 vol. Toronto: The Champlain society, 1916. V. 3. 587 p.
14. **Laliberté R.** Prisonniers de guerre et captivité militaire à l'époque de la guerre de Sept Ans. Perspectives Historiques et éléments de compréhension. Dans:

Actes du 18e Colloque international étudiant du Département des sciences historiques de l'Université Laval, 21 au 23 février 2018. Québec: Université Laval, 2019. P. 111 – 130.

15. **Lázár B.** Turkish Captives in Hungary during Austria's Last Turkish War (1788 – 1791) // *Hungarian Historical Review*. 2015. V. 4, No. 2. P. 418 – 444.

16. **Lewis G. G., Mewha J.** History of Prisoner of War Utilization by the United States Army, 1776 – 1945 // Department of the Army Pamphlet. 1955. No. 20-213. 278 p.

17. **Marquis H.** La Convention et les prisonniers de guerre des armées étrangères // *Histoire, économie & société*. 2008. No. 3. P. 65 – 81.

18. **Moya Sordo V.** Cautivos del corso español. El trato a los prisioneros durante el siglo XVIII // *Cuadernos De Historia Moderna*. 2019. V. 44, No. 1. P. 159 – 179.

19. **Polskie** ustawy i artykuły wojskowe: od XV do XVIII wieku. Krakow: Drukarnia Uniwersytetu Jagiellonskiego, 1937. 372 p.

20. **Portelance P.** «Au service d'un autre roi»: Les troupes étrangères allemandes au service du royaume de France (1740 – 1763). Montréal: Université de Montréal, 2018. 227 p.

21. **Recio Morales Ó.** El prisionero de guerra en la España de la Ilustración: algunas consideraciones sobre su trato // *Revista Universitaria de Historia Militar*. 2020. V. 9, No. 18. P. 67 – 86.

22. **Recueil** de traités d'alliance, de paix, de trêve, de neutralité, de commerce, de limites, d'échange etc. et plusieurs autres actes servant à la connaissance des relations étrangères des puissances et états de l'Europe tant dans leur rapport mutuel que dans celui envers les puissances et états dans d'autres parties du globe depuis 1761 jusqu'à present. 2. éd., rev. et augm. Par. Geo. Fréd. de Martens. Tome 1 – 8. Gottingue: Dieterich, 1826. Tome 5. 708 p.

23. **Rommelse G., Downing R.** State formation, maritime conflict and prisoners of war. The case of Dutch captives during the Second Anglo-Dutch War (1665 – 1667) // *Tijdschrift voor Sociale en Economische Geschiedenis*. 2014. V. 11, No. 1. P. 29 – 54.

24. **Stuke M.** Der Rechtsstatus des Kriegsgefangenen im bewaffneten Konflikt. Tübingen: Mohr Siebrek Ek, 2017. 523 p.

25. **Szabo F. A. J.** Kaunitz and enlightened absolutism, 1753 – 1780. Cambridge: Cambridge University Press, 1994. 380 p.

26. **Thompson M. A.** William III and Louis XIV: essays 1680 – 1720. Ed. by R. Hatton and J. S. Bromley. Toronto: University of Toronto Press, 1968. 332 p.

27. **The Treaty** of Amity and Commerce between the Kingdom of Prussia and the United States of America (September 10, 1785). URL: https://avalon.law.yale.edu/18th_century/prus1785.asp (дата обращения: 14.01.2022).

28. **A True** copy of the original cartel agreed on betwixt the Allies and the French King for the exchange or ransom of prisoners from the general or marechal of France, down to the private centinel. London: Printed, and sold by J. Whitlock, 1695. 14 p. (Electronic reproduction. Ann Arbor, Mich.: UMI, 1999).

References

1. **Danevskiy V.P.** *Posobiye k izucheniyu istorii i sistemy mezhdunarodnogo prava: v 2-kh t.* [A guide to the study of the history and system of international law: in 2 volumes], Kharkov: Tipografiya A. N. Guseva, 1892, v. 1, 230 p. (In Russ.)

2. **Dogel' M.I.** *Yuridicheskoye polozheniye lichnosti vo vremya sukhoputnoy voyny. Kombatanty* [Legal position of the individual during the land war. Combatants], Kazan: Tipo-lit. Imperskogo universiteta, 1894, 368 p. (In Russ.)

3. **Korkunov N.M.** *Pravo voyny* [The right of war], Moscow: Litografiya Kopyevskoy, 1884, 255 p. (In Russ.)

4. **Anklam E., Danley M. H., Speelman P. J. [Eds.]** *Battre l'estrade: Military Reconnaissance in the German Theatre of War. The Seven Years' War: global views*, Boston: Brill, 2012, pp. 213-242.

5. **Available at:** https://h58.dk/Mil/Mill_Straffel_Retspl.pdf (accessed 20 March 2022).
6. **The Articles** of Capitulation of Quebec. September 18, 1759, A collection of the acts passed in the Parliament of Great Britain and of other public acts relative to Canada, Quebec: Printed by P. E. Desbarats, 1824, 352 p.
7. **Available at:** https://avalon.law.yale.edu/18th_century/art_of_cap_1781.asp (accessed 27 November 2021).
8. **Available at:** https://www.academia.edu/43221094/A_Clash_of_Kings_States_Captives_and_Loyalties_during_the_Great_Northern_War (accessed 11 October 2021).
9. **Cartel for the Exchange** of Prisoners of War between Great Britain and France. *A Collection of State Papers Relative to the War Against France. In 7 vol.* London: Printed for J. Debrett, 1799, v. 7, 664 p.
10. **Code militaire ou compilation des ordonnances des rois de France concernant les gens de guerre. Par le Sr de Briquet. Tome 1 - 3, Paris: Impr. royale, 1728. v. 1. 548 p.** (In French)
11. **Available at:** <https://intertextual-hub.uchicago.edu/navigate/revlawallhub/34/30?byte=111262> (accessed 18 December 2021). (In French)
12. **Journals** of the Continental Congress, 1774 – 1789. Edited from the original records in the Library of Congress. In 34 vol. Washington: Government printing office, 1906. V. IV. 416 p.; 1907. V. IX. 373 p.
13. **Knox J.** *An Historical Journal of the Campaigns In North America: for the Years 1757, 1758, 1759, and 1760. Ed. with introduction, appendix and index by Arthur G. Doughty. In 3 vol.,* Toronto: The Champlain society, 1916, v. 3, 587 p.
14. **Laliberté R.** *Prisonniers de guerre et captivité militaire à l'époque de la guerre de Sept Ans. Perspectives Historiques et éléments de compréhension. Dans: Actes du 18e Colloque international étudiant du Département des sciences historiques de l'Université Laval, 21 au 23 février 2018,* Quebec: Université Laval, 2019, pp. 111-130. (In French)
15. **Lázár B.** Turkish Captives in Hungary during Austria's Last Turkish War (1788 - 1791), *Hungarian Historical Review*, 2015, v. 4, no. 2, pp. 418-444.
16. **Lewis G. G., Mewha J.** History of Prisoner of War Utilization by the United States Army, 1776 – 1945, *Department of the Army Pamphlet*, 1955, no. 20-213, 278 p.
17. **Marquis H.** La Convention et les prisonniers de guerre des armées étrangères, *Histoire, économie & société*, 2008, no. 3, pp. 65-81. (In French)
18. **Moya Sordo V.** Cautivos del corso español. El trato a los prisioneros durante el siglo XVIII, *Cuadernos De Historia Moderna*, 2019, v. 44, no. 1, pp. 159-179. (In Spanish).
19. **Polskie ustawy i artykuły wojskowe: od XV do XVIII wieku,** Krakow: Drukarnia Uniwersytetu Jagiellońskiego, 1937, 372 p. (In Polish).
20. **Portelance P.** "Au service d'un autre roi": *Les troupes étrangères allemandes au service du royaume de France (1740 - 1763)*, Montréal: Université de Montréal, 2018, 227 p. (In French)
21. **Recio Morales Ó.** El prisionero de guerra en la España de la Ilustración: algunas consideraciones sobre su trato, *Revista Universitaria de Historia Militar*, 2020, v. 9, no. 18, pp. 67-86. (In Spanish).
22. **Recueil** de traités d'alliance, de paix, de trêve, de neutralité, de commerce, de limites, d'échange etc. et plusieurs autres actes servant à la connaissance des relations étrangères des puissances et états de l'Europe tant dans leur rapport mutuel que dans celui envers les puissances et états dans d'autres parties du globe depuis 1761 jusqu'à present. 2. éd., rev. et augm. Par. Geo. Fréd. de Martens. Tome 1 - 8. Gottingue: Dieterich, 1826, Tome 5, 708 p. (In French)

23. **Rommelse G., Downing R.** State formation, maritime conflict and prisoners of war. The case of Dutch captives during the Second Anglo-Dutch War (1665 - 1667), *Tijdschrift voor Sociale en Economische Geschiedenis*, 2014, v. 11, no. 1, pp. 29-54.
24. **Stuke M.** *Der Rechtsstatus des Kriegsgefangenen im bewaffneten Konflikt*, Tübingen: Mohr Siebrek Ek, 2017, 523 p. (In German)
25. **Szabo F. A. J.** *Kaunitz and enlightened absolutism, 1753 – 1780*, Cambridge: Cambridge University Press, 1994, 380 p.
26. **Thompson M. A., Hatton R., Bromley J.S. [Eds.]** *William III and Louis XIV: essays 1680 - 1720*, Toronto: University of Toronto Press, 1968, 332 p.
27. **Available at:** https://avalon.law.yale.edu/18th_century/prus1785.asp (accessed 14 January 2022).
28. *A True copy of the original cartel agreed on betwixt the Allies and the French King for the exchange or ransom of prisoners from the general or marechal of France, down to the private centinel*, London: Printed, and sold by J. Whitlock, 1695, 14 p. (Electronic reproduction. Ann Arbor, Mich.: UMI, 1999).

Legal Regulation of Military Captivity in Western Countries (17th–18th Centuries)

V. V. Poznakhirev, *Cand. Sci. (History)*,
Department of History, Humanities, Social and Economic Disciplines,
Private Institution Educational Organization of higher education
“Reaviz” University, St. Petersburg, Russia;
vvkr@list.ru

Legal regulation of military captivity in Western countries in the 17th–18th has hardly ever become the subject of special historical and legal research. Meanwhile, such a study seems appropriate, as it might expand our understanding of Russia's place in the world in the early Modern era. This has predetermined the main purpose of this study – to fill the designated historiographical gap. In the course of achieving this goal, a set of documents, monographs and articles published in Europe and the USA were studied. A system of regulatory legal acts regulating various aspects of military captivity was identified and structured. The content of each of the elements of the system was analyzed. It was found that the era in question was marked by the appearance of the first interstate treaties and legal framework of national legislation on prisoners of war, as well as other innovations. In order to further investigate the topic, it is proposed to expand its source base by introducing documents from foreign archives into scientific circulation, as well as to focus on a comparative analysis of military captivity regimes in Russia and Western countries.

Keywords: ransom of prisoners; Cartel; prisoner exchange; Regulation on prisoners of war; early Modern times; private captivity.

© В. В. Познахирев, 2022

Статья поступила в редакцию 20.02.2022

При цитировании использовать:

Познахирев В. В. Правовая регламентация военного плена в западных странах (XVII – XVIII вв.) // *Право: история и современность*. 2022. Т. 6, № 2. С. 165 – 179. doi: 10.17277/pravo.2022.02.pp.165-179